

Михаил Маргелов:

«В УСЛОВИЯХ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ ИСЛАМСКИЙ МИР
СТАЛ ПОЛЕМ БИТВЫ МЕЖДУ ДВУМЯ ПРЕТЕНЗИЯМИ
НА ЛИДЕРСТВО — ИРАНСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ»

Свержение президента Мохаммеда Мурси в Египте, затянувшаяся гражданская война в Сирии, размывающая все возможные правила и потребовавшая прямого вмешательства ведущих мировых держав, даже волнения в Турции — все это создает клубок вопросов и противоречий, требующий системного подхода при их анализе и решении. Дополнительную неопределенность создает взаимовлияние политических процессов во всем мусульманском мире от Персидского залива и Восточного Средиземноморья до Магриба и Сахеля, а это уже напрямую затрагивает интересы России как державы, несущей ответственность за поддержание международного порядка.

О причинах и сути происходящих перемен Индекс Безопасности беседует с председателем Комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам, специальным представителем Президента РФ по сотрудничеству со странами Африки Михаилом Маргеловым.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем причины произошедшего летом обострения политической обстановки в Египте и как, на ваш взгляд, там будут развиваться события в ближайшее время?

МАРГЕЛОВ: Здесь необходимо обратить внимание на события последних лет. Когда неудачливый торговец порченными фруктами в Тунисе был обижен и люди встали на его защиту, никто не думал, что это спустит курок *Арабской весны*. Точно так же мало кто мог предположить, что вышедшие в Тунисе на улицы представители профсоюзов и левацких группировок, сторонники Че Гевары, которые начали вот эту самую *Арабскую весну*, будут на следующем этапе революций заменены исламистскими лидерами, пришедшими к власти в результате свободных демократических выборов.

Однако в традиционных обществах, каковыми являются арабские общества, в результате свободных выборов побеждают не представители сил модернизации, а представители сил архаики. Мы помним это по примеру Алжира, который первым из арабских стран попытался провести свободные демократические выборы. Мы помним, что к власти чуть было не пришли, победив на выборах, исламисты, и армия была вынуждена взять ситуацию под контроль. Это привело к многолетнему кровопролитию. Мы также помним, что произошло в Палестинской автономии, когда на свободных демократических выборах победило радикальное движение ХАМАС.

Алжирские и палестинские выборы проходили задолго до *Арабской весны*, они могли бы послужить хорошей моделью для исследователей, которые пытаются прогнозировать развитие событий в странах, охваченных революциями, поэтому не стоит удивляться, что на выборах в Египте победили *Братья-мусульмане*. А кто еще мог там победить?

Сейчас, после переворота в Египте, стал появляться тезис о перезапуске революции на площади Тахрир, и в августе мы наблюдали такие попытки. *Братья-мусульмане* победили на действительно свободных демократических выборах, но сразу после египетское общество оказалось расколотым, а те, кто делал революцию, оказались отрезанными от плодов и результатов этой революции.

Я напому, что основную силу тех, кто был на площади Тахрир и свергал режим Хосни Мубарака, составляли как раз люди либеральные, ориентированные на модернизацию, ориентированные на то, чтобы затянувшаяся более чем на 40 лет власть одного человека сменилась свободной демократической светской формой правления. Однако оказалось, что основную массу дисциплинированного голосующего египетского электората составляют люди, мыслящие архаически.

Таким образом, *Братья-мусульмане* получили возможность сформировать практически однопартийный кабинет. Они отсекали всех возможных союзников как либерального, так и радикального исламистского толка, и оказались в ситуации, когда даже салафиты выступили против президента Мухаммеда Мурси и заявили о том, что выводят своих сторонников на улицы.

Армия сыграла ту роль, которую она традиционно играет в ближневосточных странах. Например, в той же Турции именно армия и генеральный штаб в соответствии с конституцией очень долго выступали такой секуляризирующей основой турецкого общества. Сейчас турецкая конституция изменилась, она была модернизирована в соответствии с нормами европейского права и это, естественно, повлияло на изменение и внутривнутриполитической ситуации в Турции.

Говоря о Египте, *Братья-мусульмане* — это хорошо структурированная организация, политическая партия, сохранившая сеть своих подпольных организаций, закаленная годами легальной и нелегальной борьбы. Что же касается тех, кто выступил против правительства *Братьев-мусульман*, то эти силы фрагментированы и представляют собой очень разные части политического спектра.

Поэтому тот факт, что армия взяла ситуацию под контроль, еще не означает конец египетского политического кризиса. И то, что шейх университета *аль-Азхар* и коптский патриарх поддержали действия военных, вовсе не говорит о консенсусе в обществе по поводу военного переворота.

В итоге я могу с тревогой лишь констатировать, что Египет действительно сейчас стоит на грани гражданской войны. И худшее, что может произойти в Египте, — это развитие событий по сирийскому сценарию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как российские власти будут реагировать на то, что происходит в Египте?

МАРГЕЛОВ: Мы понимаем то чувство ответственности, которое египетские военные испытывают за судьбу страны. Для нас Египет — это один из краеугольных камней мира и стабильности на Ближнем Востоке, и он должен при любом развитии событий выполнять свои международные обязательства, и в первую очередь в своих отношениях с Израилем. Для нас мир на Ближнем Востоке — это бесспорная ценность. Собственно, поэтому мы были и остаемся в диалоге со всеми политическими силами в Египте.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Помимо Египта, политические процессы на всем Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сахеле перемежаются постоянными обо-

стрениями, что и позволяет говорить о феномене *дуги нестабильности*. Каков характер связи между этими процессами?

МАРГЕЛОВ: Для напряженности в рамках *дуги нестабильности* есть фундаментальные причины. После поражения режима Саддама Хусейна в Ираке на довольно продолжительный период времени Иран стал сильнейшей мусульманской державой и стал претендовать на лидерство не только в шиитском, но и во всем мусульманском мире.

Это происходило на фоне того, что политическое лидерство Саудовской Аравии и Египта, традиционных политических лидеров, было не очевидно на том этапе, а претензии Катара на политическое лидерство тоже на тот момент были плохо артикулированы.

В тот же период Турция решила переосмыслить свое место в мире и обратила свои взоры на Ближний Восток, и здесь достаточно обратиться к научным трудам Ахмета Давутоглу, министра иностранных дел Турции, чтобы понять турецкую внешнеполитическую линию.

Турция заявила о своих претензиях на лидерство, и объективно это привело к соперничеству с Ираном. Острую конкуренцию турецких и иранских компаний я наблюдал даже в Хартуме, столице Судана. И это далеко не единственный пример.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что в существовании *дуги нестабильности* серьезную роль играет фактор конкуренции ведущих региональных держав? Гражданская война в Сирии также вписана в этот контекст?

МАРГЕЛОВ: В условиях *Арабской весны* исламский мир стал полем битвы между двумя претензиями на лидерство — иранской и турецкой. А сегодняшняя Сирия — самый трагичный пример такой битвы сегодня.

Определенные надежды на разрешение этой ситуации можно связать с избранием нового иранского президента Хасана Роухани. И мы говорим нашим партнерам в США о том, что Иран должен участвовать в мирной конференции по Сирии *Женева-2* и Хасану Роухани надо дать возможность проявить себя в качестве либерального, ориентированного на диалог с международным сообществом лидера, принципиально отличающегося от своего предшественника.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Создается впечатление, что отставка сирийского президента уже просто не сработает, к тому же он зарекомендовал себя единственным мощным игроком. В то же время население страны не делится только на алавитское лояльное властям меньшинство и восставшее большинство. Иными словами, любое сирийское решение связано с тем, что Башар Асад там остается. Каково ваше мнение по этому поводу?

МАРГЕЛОВ: *Арабская весна* научила арабских и африканских лидеров, что верить нельзя никому, даже если им обещают, что после ухода в отставку с ними будет все хорошо. В личных беседах они постоянно сетуют, что главной причиной поражения Хосни Мубарака и Муаммара Каддафи является проявленная слабость. И когда даже Сенегал выдал Хесена Хабре, бывшего чадского диктатора, получается, что бежать некуда, разве что к Роберту Мугабе в Зимбабве, как это сделал в свое время бывший эфиопский диктатор Менгисту Хайле Мариам, который спокойно живет на вилле в Хараре и ни в чем себе не отказывает.

Башар Асад сегодня в таком положении, что может верить только себе. На фоне этого алавиты просто дерутся за свое физическое, а не только политическое выживание. Эта война уже носит для них сакральный характер, они воспринимают ее как великую битву между шиитами и суннитами.

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
З

Потом не стоит забывать, что сирийский режим еще со времен Хафеза Асада всегда строился как союз меньшинств, проживающих в стране. И когда повстанцы убивают христианских священников, это играет на руку режиму, защищающему все меньшинства. Конечно, отсутствие единства в рядах оппозиции тоже усиливает позиции официальных властей.

Также важно, что пока *Хезболла* и иранцы воюют на стороне Башара Асада, в рядах повстанцев сражается большой мусульманский интернационал. На фоне этого происходит стремительная радикализация настроений по обе стороны. Именно поэтому мы говорим, что *Женева-2* нужно созывать как можно скорее, пока противоборствующие стороны еще могут друг с другом разговаривать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько жестким является тот вектор политических потрясений, который задают сирийские события и *Арабская весна* в целом в регионах *дуги нестабильности*, в мусульманских регионах Африки?

МАРГЕЛОВ: Давайте посмотрим на страны Сахеля и соседние с ними страны Северной Африки в широком контексте политических процессов и событий. Мы видим здесь примеры удачных *верхушечных* реформ, например, реформы короля Мохаммеда VI в Марокко, которые позволили предупредить *Арабскую весну* в этой стране.

Вообще надо сказать, что монархические реформы в Марокко, в Иордании, в последнее время еще и в Катаре говорят о том, что мудрые правители пытаются перехватить инициативу, взять ситуацию в свои руки и начать реформы задолго до того или на грани того, как этого потребуют улицы. Странно то, что никто из политических комментаторов не провел параллелей между этими процессами и передачей власти молодому поколению монархами Нидерландов или Бельгии.

Однако процессы *верхушечных* реформ — это на сегодняшний день исключение в странах *арабской весны*. *Ящиком Пандоры* является Саудовская Аравия. На грани каких-то перемен, пока еще непонятно каких, стоит Алжир.

В этом контексте и следует рассматривать события, происходящие в странах Сахеля. Другое дело, что те внутренние процессы, которые сейчас проходят там, в свою очередь распространяются на тот же Алжир, Ливию и в определенной степени на Буркина-Фасо, Сенегал и Нигерию.

Сегодня в Сахеле не просто нестабильная обстановка, не просто опасная обстановка — Сахель превратился в неконтролируемую, неуправляемую территорию, протянувшуюся через всю Африку и рассекающую ее практически на две части.

Ясно, что ситуация в Судане балансирует на грани стабильности и нестабильности, и здесь дело не только в противоречиях между Суданом и Южным Суданом, не только в ситуации в Дарфуре, но и в том, что президенту Омару Аль-Баширу, мягко говоря, задают очень много вопросов политические противники в Хартуме.

Стабильность в столицах Чада, Нигера, Мавритании на самом деле ничего не означает — в любой момент из пустыни может прийти кто угодно, и в недавней истории известны случаи, когда столицы захватывались в течение нескольких часов. Пустыня, напомним, наполнена дешевым или даже бесплатным оружием, а количество разного рода бандитских политических группировок, которые называются, например, *Land Cruiser Based Movements*, не поддается учету.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие основные угрозы международной безопасности существуют или только формируются сегодня в зоне Сахеля?

МАРГЕЛОВ: В конце 2011 г., незадолго до событий в Мали, я был в Тимбукту и общался там с местными племенными и религиозными лидерами. И один из вождей туарегов сказал мне с искренней грустью: «Вы знаете, то, что произошло в Ливии, вот этот поток оружия, который хлынул оттуда, подорвал весь мой

бизнес». Переносной зенитно-ракетный комплекс стоит столько же, сколько два подержанных автомата Калашникова.

Тогда новости об опасности ливийского оружия воспринимались достаточно осторожно, но впоследствии стало понятно, что оружие, которое хлынуло в Сахель и из Сахеля из разграбленных арсеналов, принадлежавших Муаммару Каддафи, действительно представляет серьезную международную проблему. Именно поэтому еще в мае 2012 г. на встрече *Большой восьмерки* в Кэмп-Дэвиде этой теме было уделено большое внимание. Но сейчас ливийское оружие уже перехватывается на границе между Египтом и сектором Газа, обнаруживается в Сирии, и никто не знает, где оно может всплыть в следующий раз.

Помимо бесконтрольного оборота оружия для зоны Сахеля характерны работорговля и бизнес на транзитной нелегальной миграции через регион, захват заложников здесь также является достаточно обычной практикой.

Сюда следует добавить наркотрафик из Латинской Америки через Гвинею-Бисау и далее через Сахель на Ближний Восток и в Европу — это достаточно новое явление, ему всего несколько лет.

Необходимо иметь в виду, что ситуация в различных странах Сахеля чрезвычайно взаимосвязана: здесь живут мигрирующие племена, поэтому то, что происходит, например, на севере Мали, через короткое время отзывается в суданском Дарфуре. Надо также помнить, что на протяжении многих сотен лет малийские туареги отправлялись на хадж в Саудовскую Аравию, оседали в Дарфуре, а теперь и в Мали, и в Дарфуре живут родственные племена.

Когда мы говорим о миграции здесь, мы должны помнить о том, что это не только миграция потенциальной рабочей силы в страны Европы, но и миграция *плохих ребят*, миграция боевиков, которые здесь проходят подготовку, обучение и потом расползаются по всему Большому Ближнему Востоку.

То, что сейчас в Сирии на стороне оппозиции воюют сотни марокканцев, ливийцев, малийцев, тоже никого не должно удивлять. Министр иностранных дел Марокко на встрече в Москве летом 2013 г. честно сказал, что правительство королевства не в состоянии контролировать отъезд молодых людей, идеологически очень заточенных, в разные страны для участия в вооруженных формированиях.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие инструменты есть у международного сообщества, для того чтобы попытаться навести порядок на всем протяжении *дуги нестабильности* или хотя бы эффективно и в позитивном ключе влиять на происходящие там процессы?

МАРГЕЛОВ: Вероятно, главным инструментом, который должен быть здесь применен, является Африканский союз, который преодолевает сейчас *посткаддафийский* кризис. И хорошая новость здесь, что Южная Африка после избрания Нкосазаны Дламини-Зумы усилила свои позиции в Африканском союзе. Эта организация так устроена, что без лидирующей страны или группы стран она не может работать эффективно.

Практика последних десятилетий показала, что только африканцы на самом деле могут решать африканские проблемы. Организация Объединенных Наций может оказать содействие, подготовить площадку, но реальная ежедневная работа по решению всех проблем — это работа африканцев. Именно поэтому Россия выступает за усиление Африканского союза и превращение его в эффективный международный орган.

И мы пытались совместно с Африканским союзом решить ливийский кризис. Однако, к великому сожалению, наши западные партнеры, на словах поддерживая наши усилия, просили ливийских повстанцев совсем о другом. Отсюда, к слову,

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

когда нас спрашивают, почему российская позиция по Сирии отличается от позиции по Ливии, мы говорим, что просто учитываем опыт недавнего прошлого.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие сегодня есть механизмы воздействия на ситуацию в Сахеле у России? Долгое время складывалось впечатление, что в Сахеле мы позиции теряли, последние годы мы возвращаемся туда.

МАРГЕЛОВ: *Во-первых*, самый главный рычаг — наше членство в Совете Безопасности ООН. *Во-вторых*, мы оказываем финансовую поддержку Африканскому союзу, в том числе Совету мира и стабильности Африканского союза. Последний очень существенный транш был переведен в декабре 2012 г. в Аддис-Абебу и пошел частично на финансирование операции Африканского союза в Сомали, частично на финансирование мероприятий по стабилизации ситуации в Мали. *В-третьих* — прямая помощь. Мы оказываем поддержку нынешнему правительству Мали поставками амуниции и вооружения и выделением финансирования.

Наряду с прямыми рычагами воздействия на ситуацию есть и непрямые рычаги: в последние четыре года в Мали, Нигер, Чад, Судан и в ряд сопредельных стран пришли на геологоразведку и на добычу полезных ископаемых крупнейшие российские компании, в том числе государственные.

Мы исходим из того, что в африканской политике и в мусульманском мире *политические шахматы* значительно более эффективный инструмент, нежели *политическое регби*.